

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

И. С. Лисевич

ДРЕВНИЕ МИФЫ ГЛАЗАМИ ЧЕЛОВЕКА КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ

Выход человечества в космос произвел переворот в умах. Ныне уже не кажется совершенно невероятной идея множественности обитаемых миров, за которую некогда отправили на костер еретика Джордано Бруно. Близка к осуществлению мысль о создании человеческих колоний в космосе: проект, предложенный американским ученым О'Нилом, обойдется по предварительным подсчетам не дороже уже осуществленного проекта «Аполлон»¹. Организована международная (в основном — советско-американская) рабочая группа по проблеме поиска внеземных цивилизаций². Обсерватория в Аресибо начала передавать во Вселенную сигналы, обращенные к предполагаемым «братьям по разуму»...³.

Идея множественности обитаемых миров, доведенная до логического завершения, привела к появлению гипотезы о космическом палеоконтакте, предполагающей, что встреча с внеземными цивилизациями, возможно, уже состоялась в прошлом. Действительно: если кроме нас во Вселенной могут быть другие разумные существа, а Вселенная бесконечна во времени то почему бы им не сделать то, что мы лишь собираемся совершить, т. е. посетить иные миры, в том числе и нашу Землю? При всей кажущейся парадоксальности, в этом, по-видимому, нет ничего невозможного. Данной гипотезе посвящена теперь довольно обширная литература; за последние пятнадцать лет появилось более ста пятидесяти публикаций только на русском языке. К сожалению, сенсационность, которая с самого начала сопровождала тему «космического палеоконтакта», привлекла к ней дилетантов — людей, обладающих большим энтузиазмом, но очень не систематическими знаниями. Суждения, пока гипотетические, они рассматривали как почти достоверные, что привело к весьма плачевным результатам: сама тема приобрела несомненную одиозность в глазах ученых, да и читающей публики вообще.

Об этом стоит лишь пожалеть, однако, вряд ли есть смысл ставить знак равенства между идеей и ее претворением. Проблема слишком значительна, чтобы целиком полагаться даже на современный уровень знаний. Стоит, наверное, вспомнить слова Гамлета о том, что «и в небе, и в земле сокрыто больше, чем снится вашей мудрости»⁴ — действительность постоянно убеждает нас в этом. Нужно терпеливо собирать факты — тем более это относится к гипотезе о космических палеоконтактах,

¹ «Physics today», 1974, № 9.

² «Проблема СЕТИ (связь с внеземными цивилизациями)», М., 1975, стр. 321.

³ «Призыв летит по Вселенной», «Наука и жизнь», 1975, № 7, стр. 58—59.

⁴ У. Шекспир, Полное собрание сочинений, т. 6, М., 1960, стр. 40.

где над фактом подчас довлеют эмоции. К каким результатам мы придем — покажет будущее, однако, можно с уверенностью сказать, что они окажутся небезразличны для науки, ибо в любом случае сфера познания будет расширена.

Сторонники гипотезы о палеоконтактах не раз обращались к памятникам древней культуры Востока, которые донесли до нас отголоски порой трудно объяснимых событий отдаленного прошлого. У нас и за рубежом уже немало писалось, например, об оружии «астравидья», упоминаемом в древнеиндийском эпосе «Махабхарата», о странных пришельцах, стоявших у истоков цивилизации Шумера, о полетах в небо, описанных в апокрифической «Книге Еноха», и т. д.

Не меньший интерес представляют и сообщения древнекитайских источников⁵ — памятников цивилизации, отличавшейся особым почитанием всего традиционного, а потому бережно передававшей из поколения в поколение письменные и устные свидетельства минувших дней.

Если начать с того, с чего начинается традиция, то мы узнаем об удивительно мудрых и гуманных существах, «сынах неба» (титолом императоров это стало значительно позже), которые немало сделали доброго для еще диких тогда обитателей долины реки Хуанхэ. Известно, что рождение героев в мифах и эпосе часто предваряется различными чудесными знаменьями, однако появлению «сынов неба» на Земле с завидным единообразием предшествовали одни и те же небесные явления.

Так, например, перед рождением первого из них, Хуан-ди, «сияние великой молнии опоясало звезду Цзи в созвездии Ковша»⁶ (т. е. Большой Медведицы). Перед тем как появиться его преемнику, Шао-хао, «звезда, словно радуга, пролетела вниз» (или: «огромная звезда, словно ковш, опустилась на Цветущий остров»⁷). Перед появлением следующего, Чжуань Сюя, «ослепительно сияющая звезда пересекла лунный (диск), словно радуга»⁸. Так сообщают сохранившиеся отрывки из исчезнувшей древней книги «Записи о поколениях владык и царей».

Китайские исторические тексты хорошо дополняет фрагмент сакрального текста древней, еще до-буддийской религии Тибета («бон»), который говорит о том, как появился на земле могучий «друг доброты и добродетели»:

...яйцо, созданное
Магической силой богов Са и Бал,
Вышло под действием собственной тяжести
Из божественного лона пустого неба.
Скорлупа стала защитным панцирем,
Оболочка защищала, как броня,
Белое стало источником силы для героев.
Внутренняя оболочка стала
Цитаделью для тех, кто жил в ней...
Из самого центра яйца вышел человек,
Обладатель магической силы...⁹

⁵ Это в основном памятники II в. до н. э.— VI в. н. э. и более ранние. От многих из них уцелели лишь отдельные фрагменты, включенные в средневековые энциклопедии и компендиумы. Там же можно обнаружить отрывки сохранившихся ныне литературных и исторических памятников, по тем или иным причинам отсутствующие в современных текстах. Все они восходят к еще более древней устной и письменной традиции. Однако источниковедческие вопросы требуют специального рассмотрения, мы здесь на них не останавливаемся.

⁶ Хуанфу Ми, Диван шицзи цзицунь («Собрание сохранившихся фрагментов книги „Записи о поколениях владык и царей“»), Пекин, 1964, стр. 18, 22.

⁷ Хуанфу Ми, Указ. раб., стр. 26.

⁸ Там же, стр. 28.

⁹ Е. И. Кычанов, Л. С. Савицкий, Люди и боги страны снегов, М., 1975, стр. 170.

Из всех «сынов неба» наибольший след в китайской мифологии и литературной традиции оставил Хуан-ди¹⁰, появившийся в бассейне реки Хуанхэ в XXVI веке до н. э.¹¹

В сказаниях о Хуан-ди много чудесного. Сам Хуан-ди наделен магическими способностями, вокруг него — покорные ему монстры и чудесные существа, он совершает фантастические путешествия: к солнцу, к вершинам Куньлуня...¹² Но среди этого буйства вымысла нетрудно заметить то, что отличает Хуан-ди и от божества, и от пророка и даже от культурного героя. Он не переустраивает мир и тем более его не творит, не обращает людей на путь истинный, не требует поклонения. В деятельности Хуан-ди и его помощников обращает на себя внимание удивительный рационализм, который легко просматривается сквозь все и всяческие напластования.

Конечно, Хуан-ди и его «вассалы» помогали людям. Они научили аборигенов множеству необходимых вещей: делать лодки и упряжь для волов, копать колодцы и изготавливать музыкальные инструменты, возводить оборонительные стены и лечиться иглоукалыванием. Но главным для них все же оставались собственные дела, которыми они занимались систематически, неуклонно, строго соблюдая разделение обязанностей. Целый ряд помощников Хуан-ди, например, целиком был занят астрономическими наблюдениями. Так, источники сообщают нам, что Си Хэ «определяла предназначения по солнцу, основываясь на длине его тени»¹³, Чан И «определял предназначения по луне нарождающейся и на исходе, следуя за ее четвертями и полнолуниями»¹⁴, Юй Оу «определял предназначения по изменению яркости звезд, по их движению и метеорам»¹⁵, Да Нао определял цикличность, легшую затем в основу китайского календаря¹⁶. Еще один был специально занят вычислениями¹⁷. Наконец Жун Чэн, сводя все их наблюдения воедино, составлял земной календарь¹⁸.

Если предположить, что прилежные астрономы были новичками на Земле, они, естественно, должны были обратить взор также на свое новое пристанище во Вселенной. И действительно, наряду с астрономическими наблюдениями, они начали создавать земные карты — «ту»¹⁹. «Рисованные образы разных предметов», — так поясняет слово «ту» первый комментатор книги «Корни поколений». «Имеются в виду рисованные образы земли и разных предметов (на ней), — добавляет другой, — [которые] позволяют пришельцам²⁰ с ними сверяться»²¹. Но самым удивительным во всей деятельности «сынов неба» все же был ясно прослеживаемый по текстам мифов некий технологический аспект, создание и использование сложных и непонятных нам аппаратов и приспособлений.

¹⁰ «Гу ши бянь» («Спорные вопросы древней истории»), т. 7, ч. 1, Шанхай, 1941, стр. 207 (далее «Гу ши бянь»).

¹¹ Будучи героем мифов, Хуан-ди одновременно является и исторической личностью, так как время жизни его датируется. Обычно последним годом его «власти» называли 2592 или 2598 гг. до н. э. Новейшие справочники дают несколько более позднюю дату: 2450 до н. э. См.: «Синьхуа цзыдянь» («Новый китайский иероглифический словарь»), Пекин, 1962, «Приложение», стр. 9. В общем, он — современник Гильгамеша (см. Э. Бикерман, Хронология древнего мира, М., 1975, стр. 179). У него есть также ряд черт, роднящих его с богами древнего Шумера, которых мы здесь не касаемся.

¹² Юань Кэ, Чжунго гудай шэньхуа («Мифы древнего Китая»), Шанхай, 1960.

¹³ «Шибэнь бачжун» («Восемь списков фрагментов книги „Корни поколений“»), Шанхай, 1957, список V, стр. 9.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, стр. 10.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, стр. 11.

¹⁹ Там же, стр. 12.

²⁰ «Лайчжэ» — букв. «тот, кто пришел» (или: «тот, кто придет»).

²¹ Там же, список III, стр. 3.

Известно, например, что Хуан-ди изготавливал какие-то огромные металлические зеркала. Об этом сообщается в «Жизнеописании Хуан-ди для посвященных» («Хуан-ди нэйчжуань»), которое, вероятно, основывалось на тайных легендах и преданиях. Хуан-ди «выплавил двенадцать великих зеркал и использовал их, следуя за луной», — сообщается в «Жизнеописании»²². Я намеренно сохранил неопределенность второй части фразы, так как «следуя за луной» можно толковать различно; пока же запомним, что использование зеркал как-то было связано с движением естественного спутника Земли. В «Описании удивительного» (VI в.) говорилось: «На Озере Зеркала в народе передают, что Хуан-ди отливал свои зеркала именно там. Ныне сохранился камень, которым их шлифовали. Ползучие травы на этом камне не растут»²³. Но интереснее всего очень живучая в Китае легенда об удивительном свойстве древних зеркал. «Когда на зеркало падали лучи солнца, — гласит она, — то все изображения и знаки его обратной стороны отчетливо выступали на тени, отбрасываемой зеркалом»²⁴. Иначе говоря, оно просвечивало насквозь. Учитывая, что зеркало было металлическим (из «божественного металла»), возможны только два предположения: либо этот металл обладал совершенно особой, недоступной для современной техники структурой, делавшей его практически прозрачным даже для видимого излучения, либо поверхность зеркал не была сплошной...

Многочисленные источники в один голос утверждают, что Хуан-ди изготавливал и применял некие приспособления, именуемые «чудесными треножниками». Для этого он использовал металл (медь или внешне похожий на нее элемент), добытый на горе Шоушань²⁵. Под «треножником» не разводили огонь и не наливали в него воду²⁶, как в те, что предназначены для приготовления пищи. Назначение его было иным — он являлся как бы «подобием Великого единого»²⁷, т. е. Дао, скрытого двигателя Вселенной. «Высота его была одна сажень и три шага»²⁸, т. е. около 3—4 м, однако объем был сравнительно невелик (не более 100 литров)²⁹, так что большая часть этой высоты приходилась на три его опоры. Заглянуть внутрь столь высоко поднятого вместилища зритель, разумеется, не мог, но источники утверждают, что «сотни духов, чудовищ и животных наполняли его внутри»³⁰, т. е. можно предположить, что из работающего треножника слышался какой-то шум, доносились голоса. Прямо указывается, что он «клокотал»³¹. Появлялись ли на нем изображения, трудно сказать, однако известно, что треножник «изображал дракона, летящего в облаках»³², а вскоре этот же дракон явился воочию и забрал Хуан-ди и всех его спутников³³. В пользу того, что «треножник»

²² «Чжунвэнь да цыдянь» («Большой энциклопедический словарь китайского языка»), т. XXXII, Тайбэй, 1968, стр. 334 (далее: «Чжунвэнь да цыдянь»).

²³ «Лэй шо» («Повествования разного рода») Пекин, 1956, цзюань (свиток) 8, стр. 56.

²⁴ «Волшебное зеркало. Дотанские новеллы», М., 1963, стр. 118.

²⁵ В а н Ч у н, Луныхэн цзицзе («Критические рассуждения с собранием комментариев»), Шанхай, 1957, стр. 145.

²⁶ «Гуан Хуан-ди бэнь син цзи» («Записи основных деяний Великого Хуан-ди»), в собр. «Даоцзан» («Вместилище Пути», даосский канон) раздел «Дун чжэнь бу» («Проникновение в Истину»), т. 137, б. м. и г., стр. 9 а (далее: ГХБСЦ).

²⁷ Ц а о Ч ж и, Хуан-ди сань цзян цзань («Славословие трем треножникам Хуан-ди»), в кн. «Ивэнь лэйцзюй» («Собрание разного рода искусств и изящной словесности» — энциклопедия VI в.), т. 3, Шанхай, 1959, цзюань 11, стр. 10 а.

²⁸ Ю й Л и, Цзян пу («Перечень треножников»), в кн. «Юнлэ дадянь» («Великий словарь, составленный в годы Юнлэ», энциклопедия XV в.), т. 13, Пекин, 1960, цзюань 11956, стр. 6.

²⁹ Там же,

³⁰ Там же.

³¹ ГХБСЦ, стр. 9 а.

³² Ю й Л и, Цзян пу, стр. 6.

³³ В а н Ч у н, Указ. раб., стр. 145.

мог использоваться для установления дальней связи, возможно говорит и другое: его расположение было выбрано с таким расчетом, чтобы обеспечить прямую видимость звезды Сяньюань³⁴, с которой Хуан-ди прибыл на Землю³⁵. В источниках указано также, что «этот треножник знал благоприятные и неблагоприятные признаки, знал (ныне) существующее и исчезнувшее»³⁶. Если бы мы задались целью перевести архаичный строй речи средневекового памятника на язык современной науки, то нам, вероятно, пришлось бы сказать, что «чудесный треножник» Хуан-ди обладал способностью накапливать информацию («знал прошлое и настоящее»), давать ей оценку и принимать решения. Известно также, что его можно было приводить в движение и останавливать (треножник «мог покоиться и мог идти») ³⁷, что он был в состоянии каким-то образом воздействовать на силы гравитации («мог [становиться] легким и тяжелым») ³⁸.

Еще одно любопытное сообщение содержится в конфуцианской канонической «Книге установлений». В ней говорится, что во времена «совершенномудрых» древних государей «в горах появлялась повозка-сосуд»³⁹. Ее покрытие древний человек мог сопоставить только с несовершенной глазурию своих изделий («Сосуд этот, говорят, был словно серебряная глазурованная черепица, киноварно-красная керамика»). А в комментарии, цитирующем исчезнувший апокриф, поясняется: «Горная повозка — это естественная повозка. Свисают крючья; никто не гнет, не направляет, сами собой закручиваются, изгибаются»⁴⁰.

Уже из этого, пусть не слишком ясного текста, можно извлечь многое. Можно допустить, например, что странная «повозка» имела обтекаемую форму сосуда или капсулы, что у нее было какое-то твердое, ярко окрашенное покрытие, сверкающее белым металлом («серебром»), что она могла двигаться по сильно пересеченной горной местности, причем в нее никто не был запряжен (обычно это скрупулезно отмечается) и, по-видимому, никто ею не управлял — она передвигалась как бы сама собой, «естественно»⁴¹. Наиболее интересна и, вместе с тем, наименее ясна последняя фраза — упоминание каких-то ниспадающих или свисающих захватов («крючьев»), которые потом сами собой изгибаются и закручиваются — она наводит на мысль об усложненной модификации гусеничного хода. Однако особенности древней грамматики разрешают и другое прочтение: «Горная повозка — это естественная повозка. Свисает крюком, никто не гнет, не направляет — сама собой закручивается, изгибаясь», т. е. речь в таком случае идет о способности повозки в целом или ее ходовой части свободно менять форму, как бы «растекаясь», изменяясь к неровностям местности... Даосские тексты упоминают о том,

³⁴ «Хэту ши ди сянь» («Восстановленное изображение Земли, некогда явленное в письменах из Реки»), в кн. «Тайпин юйлань» («Императорское обозрение, составленное в годы Тайпин» — энциклопедия XI в.), т. I, Пекин, 1960, стр. 238.

³⁵ Ван Ци, Ва Хань сань пай тухуй («Собрание картин, изображающих все небесное, земное и человеческое, с китайским и японским текстами»), т. IV, цзюань 2, б. м., 1713, стр. 25 а.

³⁶ ГХДБСЦ, стр. 9 а.

³⁷ Или «действовать» — Там же.

³⁸ Там же; Цао Чжи, Указ. раб., стр. 10 а. «О трех ногах, но квадратный», «белый, словно сладость», «его не передвигают — идет сам собой» — так описывается подобный же треножник, сделанный якобы более поздним «совершенномудрым сыном неба». См. Юй Ли, Цзян лу («Описание треножников»), в кн. «Хань Вэй цуншу», т. 54, б. м., 1791, стр. 1 а.

³⁹ «Лидзи чжэньи» («Книга установлений в правильном истолковании»), т. IV, в собр. «Шисань цзин чжущу» («Тринадцать классических книг с комментариями и толкованиями»), т. XXII, Пекин, 1957, стр. 1055.

⁴⁰ Там же, стр. 1056.

⁴¹ Слово «цзыжань», которое принято переводить как «естественный» или «естественность», обозначает все то, что происходит из внутренней природы данной вещи, само собой, без посторонних воздействий.

что таких повозок у Хуан-ди было множество («горные повозки заполняли равнины») ⁴² — и не только их...

Хуан-ди и основная группа его помощников действовала в Северном Китае — там, где впоследствии возникло ядро китайской цивилизации. А освоение юга и стран Южных морей осуществлялось теми, о которых даже трудно сказать: были ли это живые существа, автономные механизмы, или механизмы, непосредственно управляемые живыми существами. В древних источниках они фигурируют как «Чи Ю и его братья» — можно заключить, что они были подобны друг другу. В различных источниках примерно одинаково указано число «братьев» — их было около восьмидесяти ⁴³.

По сообщениям древних, у Чи Ю, как и у Хуан-ди было четыре глаза — во всяком случае, их считали глазами, было шесть рук, или манипуляторов ⁴⁴. Особенно странной казалась голова, сделанная из меди или сходного с ней металла, с железным лбом ⁴⁵, с какими-то трезубцами вместо ушей ⁴⁶. Подобно «горной повозке», Чи Ю мог преодолевать пересеченную местность и даже ненадолго взлетать в воздух ⁴⁷. Но ни на что не похожей оказывалась его пища: источники в один голос уверяют, что этот монстр питался камнями и песком ⁴⁸ или даже металлом («железом») ⁴⁹! — из них он получал энергию, необходимую для своего движения. Древние не могли правильно оценить характер этого твердого топлива. Однако они сообщают, что отделенная впоследствии от туловища и с предосторожностями захороненная отдельно металлическая «голова» долгие годы продолжала излучать тепло. Из захоронения время от времени выбивалось облачко отсвечивающего красным паром, которому поклонялись местные жители ⁵⁰.

Достоверных изображений Чи Ю не сохранилось. Однако не следует забывать, что китайский иероглиф в своей первоначальной форме тоже был картиной, и пусть примитивно, но как-то изображал обозначенный им предмет. Древнее написание иероглифа Чи [Ю] приводит словарь II в. «Шовэнь цзецзы» («Толкование письмен и объяснение иероглифов») (рис. 1).

Неожиданно он оказывается очень мало похожим на словесное описание. Но это только на первый взгляд.

Напомню, что Чи Ю «мог проходить по труднодоступным местам» ⁵¹. Но такой же способностью обладали и так называемые «горные повоз-

⁴² Ван Цзя, Ши и цзи («Собрание утраченных записей») в кн. «Хань Вэй цун шу» («Собрание сочинений, написанных при династиях Хань и Вэй»), т. 94, б. м., 1791, стр. 3 б.

⁴³ Жэнь Фан, Шу и цзи («Описание удивительного»), в кн. «Хань Вэй цун шу», т. 92, цзюань 1, стр. 2 а; «Лун юй хэ ту» («О чертеже, начертанном на спине рыбы-дракона, явившейся из речных вод»), в кн. «Тайпин юйлань», стр. 368 (далее: «Лун юй хэ ту»); «Сяньюань Хуан-ди чжуань» («Жизнеописание сяньюаньского Хуан-ди»), в кн. «Хуан-ди ушу» («Пятикнижие Хуан-ди»), б. м., 1807, стр. 11 б. (далее: СЮХДЧ).

⁴⁴ Жэнь Фан, Указ. раб., стр. 2 а.

⁴⁵ Там же; «Лун юй хэ ту», стр. 368; СЮХДЧ, стр. 11 б.

⁴⁶ Жэнь Фан, Указ. раб., стр. 2 а.

⁴⁷ Юань Кэ, Указ. раб., стр. 119.

⁴⁸ «Лун юй хэ ту», стр. 368; СЮХДЧ, стр. 11 б.; Юань Кэ, Указ. раб., стр. 119.

⁴⁹ Жэнь Фан, Указ. раб., стр. 2 а.

⁵⁰ СЮХДЧ, стр. 15 б. Местом захоронения древнего монстра обычно называют уезд Чжолу бывшей провинции Чахар — сравнительно малолюдную местность, недалеко от границы МНР. Однако есть подозрения, что его «останки» уже были извлечены из земли. В «Описаниях удивительного» (VI в.) мы читаем: «Тот череп, словно бы из меди и железа, который ныне обнаружили жители области Цзицжоу, копая землю — это и есть кости Чи Ю» (Жэнь Фан, Указ. раб., стр. 2 а). Неизвестно, куда затем исчезла странная находка — время было смутное, весь север Китая был завоеван кочевниками и никаких сообщений о ней больше не появлялось. Действительно ли она имела какое-то отношение к мифу о Чи Ю — сказать сейчас трудно, но обращают на себя внимание слова «словно бы из меди и железа». Ведь и медь, и железо были прекрасно известны каждому китайцу, и такая неуверенность наводит на размышления.

⁵¹ Юань Кэ, Указ. раб., стр. 119.

ки». Если мы вспомним, как они передвигались, то древнейший иероглиф-пиктограмма, изображающий Чи Ю, станет нам совершенно ясен. «Свисает крюком: никто не гнет, не направляет, а сама собой закручивается, изгибаясь...»⁵². Вот эти изгибы и извивы в нижней части иероглифа — тот самый «червяк», которого древние комментаторы непременно упоминали в связи с Чи Ю! Мы ведь тоже ничтоже сумняшеся, ходовую часть множества своих механизмов именуем «гусеницей», хотя для нас образы природы неизмеримо дальше, чем для древнего китайца. А над ходовой частью аккуратно вычерчен трезубец — тот самый,

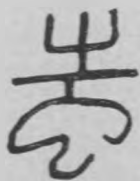

Рис. 1

который заменял Чи Ю уши. Конечно, аналогия — это еще не доказательство, но невольно приходит на память, что именно трезубец и в наше время повсеместно принят для обозначения ввода антенны в радиоустройствах... Я надеюсь, читатель снисходительно отнесется к моей вольности: пример — всего лишь пример. Однако фактом остается другое: древний иероглиф отобразил в образе Чи Ю самое главное, т. е. удивительную форму передвижения этого монстра и удивительное устройство, заменявшее ему один из органов чувств...

Если учесть все сказанное — трудно исключить возможность того, что «братья Чи Ю» могли и не быть «вполне» живыми существами. Невольно представляешь себе группу каких-то сложных, автономных механизмов, возможно, роботов. Лишь один из них управлялся непосредственно живым существом, с телом подобным то ли человеческому⁵³, то ли звериному⁵⁴, и знавшим человеческую речь⁵⁵, но и это существо чаще всего воспринималось аборигенами как единое целое со своим аппаратом. Этого единственного Чи Ю, как и Хуан-ди, именovali «древним сыном неба»⁵⁶. Впоследствии только он один был похоронен в долине Хуанхэ — роботы же были переправлены куда-то «за восемь пустот»⁵⁷. Кстати, «восемь пустот» — в китайской литературе синоним «восьми полюсов», «восьми пределов» («бацзи») ⁵⁸, между которыми находится Земля. В энциклопедии XI в. «Тайпин юйланы» сохранился фрагмент древнего сочинения, в котором точно, в китайских верстах, указаны расстояния между этими пределами⁵⁹. Правда, подсчеты затрудняются нестабильностью значения числа «и», введенного в измерения⁶⁰. Однако, если взять его наименьшее значение, ширина пространства между восьмью пределами окажется несколько более 100 000 км, если взять максимальное — более 80 000 000 км. Создается впечатление, что роботы были отправлены далеко за пределы Земли, истинные размеры которой древним китайцам приблизительно были известны.

⁵² «Лицзи чжэньи», стр. 1056.

⁵³ Жэнь Фан, Указ. раб., стр. 2 а.

⁵⁴ «Лун юй хэ ту», стр. 368; СЮХДЧ, стр. 11 б.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ «Гу ши бянь», стр. 204.

⁵⁷ Ван Ци, Указ. раб., т. XI, цзюань 22, стр. 3 а.

⁵⁸ «Цыхай» («Море слов»); Шанхай, 1948, стр. 149 (далее: «Цыхай»).

⁵⁹ «Хэ ту ши ди сян», стр. 171.

⁶⁰ «Цыхай», стр. 128.

Поскольку слово «робот» уже произнесено, стоит добавить, что и сама идея роботехники возникла в Китае очень рано. Она зафиксирована письменно в IV в. до н. э., а связанные с этим события относятся к X в. до н. э.

Царь Му, к которому привели робота, не смог отличить его от обычного человека. «Кто это вместе с тобой пришел?» — спросил он мастера. И тот отвечал: «Артист, сделанный Вашим слугой»⁶¹.

Искусно сделанный артист якобы мог петь и плясать, причем все это он делал с должным выражением; как сказано в «Ле-цзы»: «превращался и изменялся на тысячу ладов, повинаясь любому желанию»⁶². Он был способен также на вполне самостоятельные действия: именно его непредвиденный поступок и заставил мастера, в конце концов, разорвать свое творение. Тогда оказалось, что, несмотря на всю сложность поведения артиста, тот представлял собой лишь биомеханический агрегат, подобие человека с полным набором внутренних органов, созданных искусственным путем. «Царь тщательно все осмотрел и все оказалось искусственным: внутри — печень, желчный пузырь, сердце, легкие, селезенка, почки, кишки и желудок; снаружи — мышцы с костями, конечности с суставами, кожа с волосами, зубы и прическа»⁶³. Мы не будем подробно пересказывать эту историю, поскольку она есть в русском переводе, отметим лишь, что реальная действительность Китая, продолжавшего еще жить в бронзовом веке, вряд ли могла дать почву для появления идеи «искусственного человека». В то же время опыт показывает, что в устном народном творчестве сюжет, связанный с одним лицом или событием, может впоследствии быть привязан к другому, более позднему, более близкому рассказчику⁶⁴. И если легенда «Ле-цзы» относит создание робота к X в. до н. э., то не исключено, что основой для нее послужили события еще более ранние, имевшие место, например, во времена Хуан-ди.

Естественно встает вопрос: как объясняют все эти странные сообщения древних источников сами китайцы? Ведь объяснить их было просто необходимо, хотя бы потому, что всякое запоминание тесно связано с пониманием; чтобы передать какой-то факт следующим поколениям, нужно было его понять, осмыслив на любом доступном уровне — не говоря уже о том, что нужно было также ввести его в сферу привычных представлений, избежав ломки последних.

Такое произвольное «осмысление» шло, по-видимому, в течение долгого времени; с одной стороны, оно привело к появлению целого ряда логических неувязок в самих текстах и комментариях к ним, с другой — к утрате и трансформации многих памятников.

Уже первое известное нам упоминание идеи роботехники в трактате «Ле-цзы» облечено в беллетризованную, сказочную форму. С необычными и странными металлическими отражателями, которые изготовлял Хуан-ди, это произошло позднее. В популярной повествовательной литературе из «великих» они превращаются в обычные туалетные зеркала, широко распространенные в Китае в древности и в средние века. В одной из новелл VII в. даже указывается диаметр самого крупного — около 25 см, оно без труда умещалось в туалетном ларце⁶⁵. Вместо 12 их уже становится 15⁶⁶, а изготовление зеркал привязывается к легенде о «календарной травке», якобы росшей перед дворцами «со-

⁶¹ «Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая. Ян Чжу, Ле-цзы, Чжуан-цзы. VI—IV вв. до н. э.», М., 1967, стр. 93; «Ле-цзы цзиши» («Книга Ле-цзы с собранием комментариев»), Шанхай, 1958, стр. 112 (далее: «Ле-цзы цзиши»).

⁶² Там же.

⁶³ «Ле-цзы цзиши», стр. 112.

⁶⁴ И. С. Лисевич, Сюжет эзоповой басни на Востоке, в кн. «Типология и взаимосвязи литератур древнего мира», М., 1971, стр. 293 и др.

⁶⁵ «Волшебное зеркало», стр. 118.

⁶⁶ Там же.

вершенномудрых» государей. В течение месяца па ней каждый день сначала распускалось по листочку, а с пятнадцатого числа — наоборот, опадало по одному, и государь всегда знал, какое нынче число. Утверждается, что «по ее образцу Владыка (т. е. Хуан-ди — *И. Л.*) отлил зеркала, дабы создать ее подобие — и было их пятнадцать чудесных зеркал, драгоценных зеркал»⁶⁷. В уже цитировавшейся нами новелле сообщается, что каждое следующее зеркало было в поперечнике меньше предыдущего на один цунь⁶⁸, отражая соответствующие фазы светила. Так было интерпретировано более раннее сообщение: «использовал их, следуя за луной».

Если факт изготовления зеркал потонул в потоке художественного вымысла, то сообщения о необычной пище Чи Ю, напротив, опровергались с точки зрения здравого рассудка. Опровержение это приписывается поэту Ли Бо, хотя вряд ли в средние века в Китае найдется человек менее его склонный к сухому рационализму. Все это «напоминает воин-южан, — якобы заметил Ли Бо по поводу того, что Чи Ю поглощал камни и песок. — Видя, как люди северных земель питаются пшеничной кашей и рисом, они не понимают этого и говорят, что те пожирают песок и камни»⁶⁹. Не слишком убедительно, тем более, что упущен вариант с железом — в данное сравнение он не укладывается.

Тексты, в которых содержатся сообщения о мифической «горной повозке», наиболее темны — их истинный смысл был, по-видимому, утрачен еще в древности. Современные китайские ученые предпочитают читать соответствующий отрывок из «Книги Установлений», нарушая свято соблюдающийся ими принцип параллелизма. Несмотря на то, что в ряду перечислений первый иероглиф здесь везде играет роль определения, а второй — определяемого, дойдя до удивительной повозки, они мысленно ставят между ними запятую, и тогда получается: «Горы являли [взору] сосуды, повозки...». Какие такие сосуды являли горы и почему — остается при этом непонятным, но это оказывается все же предпочтительнее, чем отвечать на недоуменные вопросы о совсем уж не укладывающейся в сознание «повозке-сосуде». Что же касается китайских словарей, то они долгое время не решались давать толкования этого термина, ограничиваясь цитированием древних текстов, а также указанием, что появление горной повозки в древности считалось благим предзнаменованием⁷⁰. Лишь сравнительно недавно 32-х томный «Энциклопедический словарь китайского языка», изданный на Тайване, дал следующее определение: «Горная повозка — это дерево, которое само собой сгибается крючком и принимает форму колеса, не дожидаясь, чтобы его гнули»⁷¹. Нельзя не заметить произвольности такого толкования — ведь в оригинальных текстах не упомянут ни исходный материал (дерево), ни конечный продукт (колесо), и то и другое элементарно примыслено, так как в оригинале говорится только о повозке. Но толкователю, исходящему из определенных аксиом, невозможно представить себе в древности средство передвижения, меняющее свою форму, использующую гусеничную тягу и т. д. — гораздо проще вообразить корчащиеся в судорогах дерева, ибо в итоге получается все то же привычное колесо.

Обилие натянутых толкований (а с ними мы будем сталкиваться и в дальнейшем)шний раз убеждает в том, что древние тексты несут в себе информацию, явно не укладывающуюся в рамки своего времени и не поддающуюся объяснению на уровне традиционного комментаторства. Но ведь еще академик В. П. Васильев писал о необходимости для

⁶⁷ СЮХДЧ, стр. 66—7 а.

⁶⁸ «Волшебное зеркало», стр. 118.

⁶⁹ СЮХДЧ, стр. 11 б.

⁷⁰ «Цыхай», стр. 452.

⁷¹ «Чжунвэнь да цыдянь», т. X, Тайбэй, 1967, стр. 409.

китаевода «усвоения собственного воззрения в тех фактах, которые ему передают китайцы»⁷² — научная синология от этого только выиграла. Может быть, и теперь нам стоит, преодолев инерцию мышления, обратиться к древним письменным источникам с позиций современной науки — вполне вероятно, что это больше приблизит нас к истине...

Хуан-ди руководил и правил Поднебесной в течение ста лет, хотя прожил гораздо больше: источники называют цифру и двести десять⁷³ и триста⁷⁴. Где и в каких занятиях прошли остальные годы — можно только гадать. Конфуций практически ушел от ответа на этот вопрос, ибо подменил его софистикой: «Человек сто лет преследовал собственную выгоду, пока не низвергся [с престола], — сказал он своему ученику Цзай Во. — Человек сто лет почтительно служил своему духу, пока не сгинул; человек сто лет распространял свое учение, пока не переселился; вот и говорят о трехстах годах!»⁷⁵. Однако даосские источники недвусмысленно заявляют: после ста лет «правления», Хуан-ди вернулся на свою звезду⁷⁶.

В «Описании гор Дракона и Тигра» сказано, что Хуан-ди, овладевший основным законом Вселенной — Дао, странствовал по ней «в беспредельности»⁷⁷. В «Жизнеописании», включенном в даосский канон, сведения более конкретны: Хуан-ди, «поднявшись в небо и став повелителем Единого Величайшего, превратился опять в звезду Сяньюань»⁷⁸. «Единое Величайшее» у даосов (например, у Чжуан-цзы) — синоним все того же Дао, источника движения и развития мира⁷⁹. Что же до звезды Сяньюань, то она существовала и до того, как Хуан-ди поднялся в небо (на нее он, в частности, ориентировал свой треножник) и перед нами просто образное указание на конечную цель его «странствия в беспредельном». Тем более, что на Землю он прибыл именно с этой звезды («Сяньюань — другое имя Хуан-ди. Дух этой звезды, сойдя вниз, родил Хуан-ди»⁸⁰).

О том как происходил сам полет, источники умалчивают, однако не следует забывать, что в мифы о Хуан-ди органически входит образ «грома». отождествление «грома» с удлиненными барабанами, изображение его в виде связки таких «барабанов»⁸¹, каждый из которых поделен в плане на четыре отсека, невольно обращает мысль в сторону различных технических приспособлений. Этому способствует и странное описание «князя грома», одного из помощников Хуан-ди⁸². За недостатком места мы вынуждены опустить все подробности, ограничившись лишь воспроизведением древних начертаний иероглифа «гром» на керамике (см. рис. 2 а) и в словаре «Шовэнь цзецзы» (см. рис. 2 б, — между барабанами видны завитки облаков или дыма). Стоит, однако, упомянуть о полете одного из современников Хуан-ди, который может дать нам некоторое представление о способе «передвижения в беспредельности».

В «Записях об основных деяниях Хуан-ди», включенных в священный даосский канон, сообщается следующее: «Фэн-цзы сжег себя в куче пла-

⁷² В. П. Васильев, Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин, СПб, 1963, стр. 15.

⁷³ ГХДБСЦ, стр. 10 б.

⁷⁴ Хуанфу Ми, Указ. раб., стр. 18.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ ГХДБСЦ, стр. 10 б.

⁷⁷ «Лун ху шань чжи» («Описание гор Дракона и Тигра»), в кн. «Юнлэ дадянь» («Великий словарь, составленный в годы Юнлэ», энциклопедия XV в.), т. 13, Пекин, 1960, цзюань 11956, стр. 6.

⁷⁸ ГХДБСЦ, стр. 10 б.

⁷⁹ «Пыхай», стр. 354.

⁸⁰ Ван Ци, Указ. раб. т. IV, цзюань 2, стр. 25 а.

⁸¹ И. С. Лисевич, Древние мифы о Хуан-ди и гипотеза о космических пришельцах, «Азия и Африка сегодня»: 1974, № 11, стр. 44—45.

⁸² Там же, стр. 45.

мени, вместе с дымом поднялся и опустился, за одно утро долетел до зыбучих песков»⁸³, т. е. туда, где находилось знаменитое «Озеро грома», и, вероятно,— база пришельцев. Далее, по сообщению источника, он использовал какое-то «фэйюй». Этимология этого слова не вполне ясна; встретив впервые в тексте, я перевел его как «летающая рыба»⁸⁴. К счастью, этот же термин донес до нас очень древний мифологический компендиум «Книга Гор и Морей». Из него страновития ясно, что «фэйюй» ничего общего с летающей рыбой не имеет⁸⁵. По-видимому, иероглиф «фэй» следует переводить не как «летающий», а «для полета». Что же

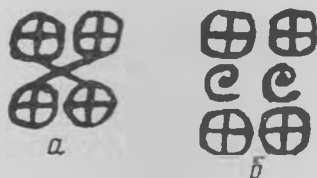

Рис. 2

до странного упоминания «рыбы», то оно встречается в сходных ситуациях и в памятниках других древних народов. Сторонники гипотезы космических палеоконтактов усматривают в образе «рыбы» некую модификацию защитного костюма пришельцев из космоса⁸⁶. Не углубляясь в этот вопрос, скажем лишь, что согласно «Книге гор и морей», «фэйюй» действительно, «предохраняет от оружия и позволяет не опасаться грома»⁸⁷.

Далее следует самое интересное. По свидетельству источника, воспользовавшись «фэйюй», сподвижник Хуан-ди «временно умер и возродился через двести лет»⁸⁸. Это свидетельство может быть интерпретировано так, что, прилетев на озеро «грома», он прибег к некоему средству, необходимому для дальнейшего, более продолжительного полета и предохраняющему от каких-то его вредных воздействий, после чего погрузился в состояние летаргического сна. Естественно, что при этом возникает мысль об анабиозе, как одной из удобных форм решения проблемы времени при космических перелетах на дальние расстояния. Опираясь на эту цифру — двести лет, необходимые для полета, и на расстояние в семьдесят восемь световых лет до звезды — родины Хуан-ди, нетрудно сделать все остальные расчеты. Однако они преждевременны — в том числе и потому, что пришельцам, как будто, были известны и более высокие скорости. На эту мысль наводит сообщение о так называемом «чэнхуане» — драконе, на котором Хуан-ди поднимался к Солнцу. По словам одного древнего сочинения, это удивительное средство передвижения «происходит из страны, где рождаются солнца» и очень старо — ему три тысячи лет⁸⁹. Но самое главное — его огромная скорость влияет на ход времени, предотвращает старение человеческого организма: чэнхуан «в один день покрывает мириады верст; севший на него человек достигает возраста двух тысяч лет»⁹⁰.

⁸³ ГХДБСЦ, стр. 1 а.

⁸⁴ И. С. Лисевич, Древние мифы о Хуан-ди, стр. 46.

⁸⁵ Ср. «Цыхай», стр. 611 (статья «Вэньяюй»).

⁸⁶ См., например, W. R. Drake, Spacemen in the Ancient East, 1968, pp. 181—182.

⁸⁷ «Шанхайцзин» («Книга гор и морей») в кн. «Тайпин юлань», т. I, Пекин, 1960, стр. 66.

⁸⁸ ГХДБСЦ, стр. 1 а.

⁸⁹ СЮХДЧ, стр. 3 б.

⁹⁰ Там же.

Местоположение звезд Сяньюань на небесной сфере известно достаточно точно — расхождения касаются только двух-трех из них⁹¹. Это небольшое созвездие из 17 звезд различной величины, напоминающее по форме извивающегося дракона (приблизительно между 10° и 40° сев. склонения, прямое восхождение — около 9 ч. — 10 ч. 30 мин.)⁹². Однако есть основания полагать, что, упоминая Сяньюань, древние авторы часто имели в виду не созвездие в целом, а лишь самое яркое его светило — Регул, которое по современным данным состоит из четырех звезд, вращающихся вокруг общего центра тяжести.

С точки зрения современной астрофизики Регул не относится к числу наиболее перспективных объектов в плане поисков внеземных цивилизаций. Однако не следует забывать, что и в кратных звездных системах при определенных условиях возможно существование планет, а одна из звезд Регула близка по основным параметрам к нашему Солнцу. Как бы то ни было, китайские источники утверждают, что «сын неба» Хуан-ди, который возвратился с земли после стольких удивительных и необычных деяний, закончил свои небесные странствия где-то в созвездии Льва.

Конечно, сообщение любого древнего источника нельзя понимать буквально. Однако время приносит все новые доказательства того, что фантазия мифов, сказаний и легенд питалась соками действительности, что у самых их истоков стояло нечто вполне конкретное и реальное. Находка древней Трои, к которой привела гомеровская «Илиада» — лишь самый яркий, но далеко не последний тому пример. Как знать, не сулят ли нам другие древние памятники еще более волнующие и значимые открытия? Будущее ответит на этот вопрос, нашей же задачей было дать читателю материал для размышления, предложив один из возможных вариантов интерпретации этого материала.

⁹¹ Ч жу Вэнь-синь, Шицзи тяньгуаньшу хэнсин ту као («Исследование расположения постоянных звезд согласно главе „Чины неба“ книги „Исторические записки“»), Шанхай, 1927, стр. 59; Ван Ци, Указ. раб., т. IV, цзюань 2, стр. 25 а; Гао Пин-цзы, Шицзи тяньгуаньшу цзиньчжу (Современные комментарии к главе «Чины неба» в книге «Исторические записки») Тайбэй, 1965, стр. 14.

⁹² Ч жу Вэнь-синь, Указ. раб., стр. 59.